

УДК 1(091)

Черных Андрей АлександровичСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
deusdrus@yandex.ru, AuthorID: 1187580, ORCID: 0009-0003-9083-231X**ФИЛОСОФИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ПЕРИПЕТИЯХ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье анализируются советско-марксистская и религиозная традиции изучения философии Н. Г. Чернышевского. В связи с этим автор ставит проблему изучения материализма в истории русской философии. Отмечается, что с конца XX в. историки русской философии стали пренебрегать материалистической школой в пользу идеализма и в отдельных случаях – позитивизма. Автор выражает желание прийти к подлинному плюрализму в научной среде и предлагает критически смотреть на историю русской философии. Автор рассматривает советско-марксистскую традицию от Г. В. Плеханова к В. С. Никоненко. Религиозная традиция связывается в первую очередь с работой В. В. Зеньковского, которая хотя и не была первой в своем роде, но должна быть признана наиболее влиятельной и репрезентативной. В статье делается вывод, что советские ученые-марксисты были наиболее продуктивны в исследовании философии Н. Г. Чернышевского. В хронологической перспективе прослеживается постепенное развитие историко-философской науки в работах советских ученых. Особенно подчеркивается глубина работ В. С. Никоненко. О религиозных авторах отмечается, что они либо безосновательно обесценивают философию Н. Г. Чернышевского (т.к. считают материализм «недофилософией»), либо искажают ее, представляя то скрытно религиозной, то позитивистской. В связи с этим основной акцент делается на рефлексии по поводу советских историко-философских работ. Отмечается тенденция по постепенному уходу от «ангажированности» к критическому анализу философских идей Н. Г. Чернышевского. Автор намечает перспективу дальнейшего изучения философии Н. Г. Чернышевского и других представителей материалистической школы с опорой на советское наследие и в связи с возрастным принципом анализа истории.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, материализм, история русской философии, историография русской философии, советская философия, марксизм, религиозная философия.

Черных А. А. Философия Н. Г. Чернышевского в перипетиях историографии // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 101-114.

Chernykh Andrey AleksandrovichSt. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
deusdrus@yandex.ru, AuthorID: 1187580, ORCID: 0009-0003-9083-231X**N.G. CHERNYSHEVSKY'S PHILOSOPHY
IN THE TWISTS AND TURNS OF HISTORIOGRAPHY**

The author considers the Soviet-Marxist and religious traditions of the study of N. G. Chernyshevsky's philosophy. Also the author raises the problem of the study of materialism in the history of Russian philosophy. It is pointed out that since the end of XX century the scholars of Russian philosophy have neglected materialistic philosophy in favour of idealism and positivism. The author speaks out his desire to come to pluralism in the academic community and suggests a fresh look at the history of Russian philosophy. The author considers the Soviet-Marxist tradition from G. V. Plekhanov to V. S. Nikonenko. The religious tradition is associated

primarily with the work of V. V. Zenkovsky, which must be regarded as the most influential for today and also the most representative. The author concludes that Soviet-Marxist scholars have written the most valuable works on N. G. Chernyshevsky's philosophy. The author regarded the chronological perspective of the gradual development of historical and philosophical science in the works of Soviet scholars. The high quality of the works of V. S. Nikonenko is emphasized. It is noted about religious authors that they either groundlessly devalue the philosophy of N. G. Chernyshevsky (because they consider materialism as pseudo-philosophy) or distort it, presenting it as either latently religious or positivist. That's why the main emphasis is dealt with Soviet historical-philosophical works. The author notes a tendency to move gradually away from prejudiced to a critical study of N. G. Chernyshevsky's philosophical ideas. The author outlines a perspective for the further study of N. G. Chernyshevsky's philosophy and philosophy of other materialists, based on the Soviet studies and in connection with the age principle of historical analysis.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, materialism, history of Russian philosophy, historiography of Russian philosophy, Soviet philosophy, Marxism, religious philosophy.

Chernykh A. A. N.G. Chernyshevsky's philosophy in the twists and turns of historiography. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 101-114.

С конца XX в. в среде историков русской философии наблюдается повышенный интерес к исследованию именно идеалистической философии (ранние и поздние славянофилы, русский космизм Н. Ф. Федорова, евразийство, Серебряный век, позднесоветский экзистенциализм). Умеренный интерес проявляется к русскому позитивизму (А. А. Богданов).

Материализм же – в связи с отказом многих исследователей от марксистско-ленинской философии – практически предан забвению (редкое исключение составляют Э. В. Ильенков, М. А. Лифшиц). О материализме помнят, но его почти не изучают. Может создаться ложное впечатление, что за советский период материалистическое направление философии было полностью изучено. Однако это не так. И сегодня, когда в научной среде формально провозглашается плюрализм, назрела проблема подлинно научного отношения к истории русской философии. Следует не обесценивать то или иное направление мысли и тем более не игнорировать те или иные философские школы, а относиться ко всем философским течениям с научной беспристрастностью. Это может выражаться, например, в равноправной и, насколько возможно, симметричной представленности всех философских «партий» в научном дискурсе: в журналах и на конференциях.

Чтобы приблизиться к такому состоянию научного сообщества, следует вспомнить не только как будто забытых материалистов, но и исследования их философского наследия. В частности, для понимания русского материализма XIX в. – а следовательно, и материализма XX–XXI вв. – большое значение имеет фигура Николая Гавриловича Чернышевского и исследование его наследия.

Проблема всех или почти всех работ о философии Чернышевского сводится к их ангажированности. Г. В. Плеханов и последующие советские ученые-марксисты

рассматривают Чернышевского в качестве представителя «домарковского» материализма. Эти ученые оценивают Чернышевского как просветителя, социалиста-утописта, антропологического материалиста, фейербахианца и т.д. (с различными акцентами на то или другое определение).

Также в историко-философской науке есть попытки либо обесценить философию Чернышевского, либо представить его философские воззрения как религиозные [См.: Галактионов, Никандров, 1970: 28–38]. Но чтобы предпринять такую попытку, необходимо также Фейербаха изобразить идеалистом и богословом, так как он оказал решающее влияние на воззрения Чернышевского. В своих сочинениях Фейербах часто использует противоречие как стилистический прием. Запутанный язык, которым пишет Фейербах, оставляет простор для различных трактовок его философии. Так, богословы и философы-идеалисты интерпретируют «Сущность христианства» в теологическом ключе [Кантор, 2016], в то время как материалисты понимают философию Фейербаха как атеистическую [Ильенков, 2020].

В конце XX в. вследствие социально-политических изменений в России многие ученые стали отказываться от марксистской методологии в историко-философских исследованиях. Так, к примеру, в 2016 г. вышла в свет работа В. К. Кантора «“Срубленное древо жизни”. Судьба Николая Чернышевского», в которой предпринята попытка «развеять советский миф» и представить Н. Г. Чернышевского как латентного идеалиста и религиозного мыслителя. Но вместо того чтобы поменять «советскую идеологию» на научную методологию, историки философии к началу XXI в. стали, как пишет В. С. Никоненко, смешивать новую идеологию и методологию [Никоненко, 2014].

Стоит упомянуть также, что в настоящее время в музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского в Саратове проводится ежегодная конференция «Международные научные чтения “Н. Г. Чернышевский и его эпоха”». По итогам чтений публикуются сборники «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». Но следует отметить, что и конференции и сборники носят междисциплинарный характер, а исследования ученых не объединены общим замыслом. Как результат, творчество и биография Чернышевского изучаются подробно, но сама его философская система в цельном виде не исследуется.

Однако в качестве целостной системы идей и взглядов философия Чернышевского изучалась в течение XX в. в советское время. Направление изучения, которое было наиболее продуктивным в отношении Чернышевского, можно назвать **советско-марксистской традицией**, которая берет свое начало в историко-философских трудах Плеханова.

Плеханов всесторонне исследовал творческое наследие редактора «Современника». Он сводит философию Чернышевского к фейербахианству, недооценивая его роль в развитии антропологического материализма Фейербаха. О том, что Плеханов считает Чернышевского фейербахианцем, но не признает за ним почти никакой

оригинальности, красноречиво говорит следующая цитата: «Здесь, как и везде, Чернышевский вполне верен Фейербаху» [Плеханов, 1958: 245]. Это сказано в контексте разговора о статье «Антропологический принцип в философии», которая представляет собой одну из наиболее значительных работ Чернышевского.

В контексте этической теории разумного эгоизма Плеханов высказывает мысль, согласно которой Чернышевский и просветители XVIII в. «не умели стать на *точку зрения развития*» [Плеханов, 1958: 257]. По Плеханову, этот недостаток выражается в том, что Чернышевский искал основание нравственности в рассудке, что приводит к дальнейшим противоречиям разумного эгоизма. В итоге Плеханов приходит к отождествлению разумного эгоизма и альтруизма [Плеханов, 1958: 261] и даже допускает сравнение между теорией разумного эгоизма и категорическим императивом Канта [Плеханов, 1958: 259]. Такой взгляд представляется нам упрощением.

Работы Плеханова имели авторитет для советских ученых, но в то же время были критически отрефлексированы в советской историографии. Примечательно, что советские ученые не были единодушны в оценке Чернышевского, хотя в их работах наблюдается общая тенденция.

Примечательно, что как Плеханов, так и советские исследователи (кроме Г. Г. Шпета) в качестве методологической основы исходят из марксистского понимания историко-философского процесса. В соответствии с этим различные исследователи всегда сходятся в том, что материалистическая философия Чернышевского логически предшествует марксизму, а исторически подготавливает российских интеллектуалов к усвоению марксизма как более развитой формы материализма.

Следует подробнее остановиться на работах некоторых советских ученых. М. М. Розенталь в работе «Философские взгляды Н. Г. Чернышевского» (1948) утверждает, что оценка, данная Плехановым, неточна: «Несомненно, ряд черт антропологического материализма, как увидим, роднит Чернышевского с Фейербахом. Но было бы глубочайшей ошибкой отождествлять их философские взгляды, как это делает, например, Плеханов» [Розенталь, 1948: 37]. Этот мотив в дальнейшем будет иметь место и в более поздних исследованиях других авторов.

Розенталь отмечает, что воззрения Чернышевского на философию и политику складываются рано. Еще в университетские годы бывший семинарист и религиозно настроенный юноша знакомится с «Сущностью христианства» Фейербаха, статьями Белинского и Герцена и примерно за три-четыре года становится убежденным материалистом. Такому быстрому формированию мировоззрения послужили, как отмечает Розенталь, именно Белинский и Герцен, которые были вынуждены пройти длительный период теоретических поисков.

А то обстоятельство, что Чернышевский считал себя лишь последователем Фейербаха, Розенталь объясняет скромностью редактора «Современника»: «...он пошел

далее Фейербаха и... сумел преодолеть многие недостатки и слабости его философии» [Розенталь, 1948: 31]. Чернышевский был его последователем, но отнюдь не эпигоном. Розенталь подчеркивает, что Чернышевский придерживается принципиальной позиции, согласно которой философию можно разделить на «партии»: материализм и идеализм. Философские основания этих партий мыслятся Чернышевским как непримиримые, причем именно материализм понимается им в качестве научной философии – в противоположность идеализму.

По Розенталю, одна из основных заслуг Чернышевского, отличающая его от Фейербаха, заключается в понимании им важности диалектического метода. Если Фейербах отрицал диалектику, то Чернышевский не только принял ее в качестве философского метода, но и применял ее в анализе социальных и политических явлений.

Но Чернышевский, по Розенталю, допустил некоторые ошибки в применении диалектических законов. Так, Розенталь (а вслед за ним каждый или почти каждый советский исследователь) обращает внимание на проблему качества и количества у Чернышевского. Говоря о различии и сходстве между органической и неорганической природой или между человеком и каким-либо менее развитым организмом, Чернышевский делает акцент на значении именно количественной, а не качественной характеристики. Розенталь пишет: «Чернышевский вместе с тем допускает крупную ошибку, доводя это единство до стирания качественной границы между неорганической и органической природой» [Розенталь, 1948: 47]. И далее заключает: «...это принцип не диалектического, а антропологического материализма» [Розенталь, 1948: 47]. Получается, что быть диалектиком и материалистом еще не значит быть диалектическим материалистом.

Розенталь пишет: «Антропологический материализм видит в человеке, по выражению Чернышевского, то же, что медицина, физиология, химия» [Розенталь, 1948: 48]. Для Розенталя принципиально, что Чернышевский, говоря о человеческой природе, ограничивается естественными науками. Эта заикленность на естествознании, а также недооценка качественных различий, по Розенталю, мешают Чернышевскому «понять действительную сущность жизни людей, человеческого познания, отличие человеческого познания от “познания” животных и т.д.» [Розенталь, 1948: 48]. В другом месте Розенталь пишет, что «Чернышевский вполне стоит на диалектической точке зрения, когда он как последовательный материалист доходит до человека через обозрение всей области природы – неорганической и органической. Но он перестает быть диалектиком, когда не замечает качественных граней, отделяющих сознание общественного человека от сознания животных» [Розенталь, 1948: 68]. Иными словами, дальнейшей ступенью в развитии философии для Чернышевского, по Розенталю, было бы обнаружение качественной границы между единичностью и множеством, индивидом вообще и общественным человеком.

Евграфов в третьем томе работы «История философии в СССР» (1968) указывает на свидетельство о влиянии Белинского и Герцена на образ мыслей Чернышевского, который в студенческом дневнике по поводу «Отечественных записок» времен Белинского и Герцена написал: «“Из этого источника я воспитывался”» [Евграфов (ред.), 1968: 31]. Также Евграфов отмечает, что большую роль в становлении взглядов Чернышевского сыграло его общение с петрашевцами и членами кружка И. Введенского. Благодаря им Чернышевский познакомился с работами Фурье, Прудона и др.

Евграфов указывает, что в период с мая 1849 г. по сентябрь 1850 г. Чернышевский под влиянием «Сущности христианства» от религиозности пришел к скептицизму и стал последователем Фейербаха. Об эволюции взглядов Чернышевского Евграфов пишет следующее: «В университет Чернышевский вошел глубоко религиозным юношей, со смутным и абстрактным идеалом просвещенной монархии, а вышел – социалистом-утопистом, атеистом и сознательным революционером-демократом» [Евграфов (ред.), 1968: 33].

По Евграфову, Чернышевский превзошел Белинского, Герцена и Фейербаха, так как не только был материалистом, но и отчетливо выделил наличие двух философских партий: материалистической и идеалистической.

Философию Чернышевского Евграфов делит на учение о человеке и учение о природе. Причем отмечает, что в понимании человека Чернышевский не ограничился естествознанием, а большое внимание уделил также общественной сущности человека (история, политэкономия). Тем не менее Евграфов, как и Розенталь, считает, что Чернышевский недопонял значение качественной границы в диалектике качества и количества, а потому не смог обнаружить человеческую природу в сфере общественных отношений.

Но в контексте понимания природы как таковой, по Евграфову, Чернышевский считал материю и ее качества неотделимыми друг от друга, так как качество имманентно материальному предмету, который «является разнообразием в единстве» [Евграфов (ред.), 1968: 49]. Понятие материи Чернышевский сводит к веществу, т.е., по Евграфову, трактует материю ограниченно в духе естественных наук.

Евграфов отмечает, что Чернышевский провел принципиальное различие между понятиями «развитие» и «процесс». Если развитие всегда понимается как позитивное изменение, то процесс включает в себя также и негативные изменения. Здесь же Евграфов обращает внимание на критику Чернышевского по поводу теории эволюции Дарвина. Чернышевский понимал ее упрощенно, а потому оспаривал положение о дарвиновской эволюции. По Дарвину, организмы адаптируются к среде, а Чернышевский понял это так, будто вредные влияния на организм способствуют совершенствованию его потомства.

Возвращаясь к теме диалектики, Евграфов пишет, что в трактовке Чернышевского

процессы могут протекать не последовательно, а с пропуском стадий. Чернышевский учел это при анализе крестьянской общины и перспектив социализма в России. Евграфов указывает на некоторое непостоянство Чернышевского в применении методологии. Если в контексте общества отмечается диалектическое понимание социальных вопросов, то в рамках философской антропологии и физиологии Чернышевский, по Евграфову, видит между органической и неорганической природой только количественное различие и не замечает качественную границу. Но Евграфов объясняет это тем, что Чернышевский полемизировал с идеалистами и потому делал акцент на материальном единстве мира, а не на категории качества. Но, по Евграфову, дело еще и в том, что Чернышевский не «изжил» механистическое понимание природы.

Евграфов утверждает, что Чернышевский в понимании познания превзошел Герцена, так как обращал внимание не столько на формы мышления, сколько на его содержание. Другими словами, Чернышевский, по Евграфову, обратил внимание на сущность мышления, на материалистическую природу познания, которое черпает сведения не из субъективных ощущений, а из объективных источников, т.е. из материальной действительности. В то же время Чернышевский рассматривал познание как исторический процесс и потому считал, что человеческое знание имеет относительный характер. Защищая материализм, он в то же время критиковал догматизм с его поисками абсолюта. Также Чернышевский подвергал критике скептицизм и агностицизм.

Евграфов пишет, что Чернышевский использовал «гипотетический метод», который помогает вскрывать недостатки различных общественных явлений, но иногда не позволяет исследовать их с достаточной глубиной, так как допускает «разрыв логического и исторического» [Евграфов (ред.), 1968: 65]. Как пишет Евграфов, в понимании общественных процессов, например в вопросе о возникновении общества, Чернышевский часто становится на позицию просветителя: главное средство общественного прогресса – развитие интеллекта и науки. Получается, что антропологический принцип Чернышевского приводит к поиску общественных противоречий не в самом обществе, а в природе индивида, т.е. вне общества. Тем не менее Чернышевский иногда изменял своему антропологическому методу в пользу скорее материалистического понимания истории, так как объяснял качества «людей их историческим бытием» [Евграфов (ред.), 1968: 71].

Евграфов отмечает, что на этику Чернышевского повлияли философские идеи французских материалистов XVIII в. и Фейербаха, а также социология Белинского и Герцена. Нравственность личности, по Чернышевскому, заключается в эгоизме, который в развитом и сознательном виде «разумного эгоизма» сближается с альтруизмом. Но Чернышевский также соотносил нравственность с общественной деятельностью: в его трактовке этика приобретает классовый характер.

Об эстетике Евграфов пишет, что положение Чернышевского о неизмеримом

превосходстве прекрасного в природе над искусством входит в противоречие с философией и социологией Чернышевского.

В работе «Русская философия XI–XIX веков» (1970) А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров дают Чернышевскому высокую оценку как мыслителю и революционеру. Содержательно их исследование близко к работе Евграфова. Отметим только, что Галактионов и Никандров представили историю русской философии как целостный процесс, в который включается философия Чернышевского как один из значительных эпизодов.

Н. Ф. Уткина в работе «Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века)» (1975) рассматривает философию Чернышевского в контексте позитивизма и современного ему естествознания. Исследователь утверждает, что Чернышевский по философским воззрениям был ближе всего к французскому просвещению XVIII в. Соответственно, он стоял в оппозиции к позитивистской философии. Пересечение между Чернышевским и французскими просветителями наиболее ярко проявляется в понимании неограниченности человеческого познания. Но при этом Уткина отмечает, что в сравнении с французскими просветителями диалектика Чернышевского придает его воззрениям своеобразие.

Уткина обращает внимание на серьезное различие между методологией Чернышевского и позитивистов. О Дж. С. Милле Чернышевский рассуждает в русле принципа партийности, так как «...теория оценивается по критериям, учитывающим социальную позицию теоретика» [Уткина, 1975: 68].

Также исследователь проводит границу между теорией разумного эгоизма Чернышевского, с одной стороны, и утилитаризмом и индивидуализмом позитивистов, с другой, объясняя это тем, что социальная теория Чернышевского и его единомышленников несовместима с этикой Милля и Бентама в исходном виде. Уткина пишет: «Утилитаризм Бентама и Милля сильно изменился в работах революционных демократов, войдя в соприкосновение с социально-экономической концепцией утопического социализма» [Уткина, 1975: 70]. Другими словами, приравнивание этики Чернышевского к этике утилитаризма является следствием непонимания существенных различий между ними.

С. С. Волк и В. С. Никоненко исследовали философию Чернышевского в работах «Материализм Н. Г. Чернышевского» (1979) и «Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский» (1980). Также В. С. Никоненко написал работы «Материализм Чернышевского, Добролюбова, Писарева» (1983) и «Николай Александрович Добролюбов» (1985).

Стоит сразу отметить, что воззрения Добролюбова тесно связаны с образом мыслей Чернышевского, а потому изучение взглядов Чернышевского в отрыве от взглядов Добролюбова было бы неполным. Эту мысль особенно подчеркивает Никоненко в своей монографии о Добролюбове.

В статье «Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский» (1980) исследователи затрагивают проблему соотношения взглядов Плеханова и Чернышевского в связи с историко-философскими работами Плеханова о Чернышевском, которые были обусловлены политико-пропагандистскими целями. Плеханов стремился доказать, что Чернышевский не столько предшественник народников, сколько предшественник марксистов в России. Тем не менее Волк и Никоненко отмечают, что В. И. Ленин и Ю. М. Стеклов оценивают материализм и политическую теорию Чернышевского выше, чем Плеханов. В частности, Плеханов сводит взгляды Чернышевского к просветительству, в то время как Ленин усматривает у Чернышевского революционность. Волк и Никоненко связывают это с политическими разногласиями Плеханова и Ленина как меньшевика и большевика соответственно.

В работе «Материализм Чернышевского, Добролюбова, Писарева» (1983) Никоненко предпринял попытку проследить связь между взглядами Чернышевского и Добролюбова с взглядами Писарева, но обратил внимание именно на то, что Никоненко пишет о философии самого Чернышевского: «Чернышевский соотносит фейербаховскую философию с действительностью, воспринимает ее направленность на земные проблемы. В этом проявилось наиболее существенное влияние Фейербаха на Чернышевского» [Никоненко, 1983: 11]. Другими словами, Никоненко пишет о влиянии Фейербаха на Чернышевского в положительном ключе – в отличие от Евграфова, Галактионова и Никандрова, которые видели в фейербахианстве Чернышевского теоретическую неполноценность.

Продолжая эту мысль, Никоненко пишет, что Чернышевский «стремился заменить культ абстрактного человека наукой о деятельных людях и их историческом развитии...» [Никоненко, 1983: 13]. Здесь подчеркивается созидательная роль философских и научных исканий Чернышевского, который отталкивался от антропологизма Фейербаха, но не ограничивался им.

Никоненко обращает внимание на статью Чернышевского «Антропологический принцип в философии», которая «выполняет роль своеобразного “методологического ключа” ко всем предшествующим работам Чернышевского, она замыкает их, превращая в единое целое. Кроме того, она служит дальнейшей разработке как материалистического мировоззрения, так и проблем естественных и общественных наук» [Никоненко, 1983: 27]. Однако нельзя сказать вслед за многими советскими учеными, что антропологический принцип Чернышевского ограничивал его в изучении философии, общества и пр. Разумеется, согласно марксистской методологии, любая философская система тем или иным образом оказывается следствием общественных отношений. Понимая это, Никоненко делает акцент не на сравнении Чернышевского с Марксом, как многие другие исследователи, а обращает внимание на то прогрессивное, что появилось впервые именно в работах Чернышевского. Так, Никоненко пишет: «Чернышевский и

Добролюбов не были рядовыми учениками Фейербаха. Рассматривая конкретные вопросы общественной жизни и познания, они значительно продвинули вперед антропологический материализм. Философские взгляды, изложенные в статье «Антропологический принцип в философии», значительно отличались от воззрений немецкого философа» [Никоненко, 1983: 29].

Можно сказать, что на сегодняшний день работы Никоненко о Чернышевском остаются непревзойденными. Суммируя лучшие теоретические достижения своих предшественников, Никоненко не ограничивался повторением уже сказанного или же рассмотрением исключительно частных вопросов, а стремился к углублению теоретических обобщений [Черных, 2022].

Наряду с советско-марксистской традицией изучения философии Чернышевского существует еще и **религиозная традиция**, представители которой опираются в первую очередь на религиозную картину мира. Одни представители этого направления обесценивают философию Чернышевского: рассматривают ее как преходящий эпизод в истории русской философии, объясняя это тем, что Чернышевский материалист. Другие – склоняются к вольным интерпретациям его философии, в результате чего в его тексты вкладывается чуждый Чернышевскому религиозный смысл. Исходя из этого, религиозную традицию следует признать тенденциозной.

Обратим внимание на труды тех исследователей, которые представляются наиболее популярными на сегодняшний день. В. В. Зеньковский и Н. О. Лосский не изучали специально философию Чернышевского, но их работы по истории русской философии, в которую включается и Чернышевский, достаточно репрезентативны, так как отражают общую тенденцию всей религиозной традиции. Э. Л. Радлов, В. Ф. Эрн и др. представители этой традиции содержательно почти не отличаются друг от друга, поэтому в контексте истории изучения философии Чернышевского не имеет смысла упоминать их всех. К современным представителям религиозной традиции изучения русской философии следует отнести В. К. Кантора, написавшего книгу о Чернышевском. Важно вспомнить и о Г. Г. Шпете.

В работе «История русской философии» (1948–1950) В. В. Зеньковский пишет о «религиозности» русских философов, в том числе Чернышевского. Рассуждая о философии второй половины XIX в., Зеньковский пишет: «Основным водоразделом остается все та же *религиозная* тема, которая сохраняет и ныне свое центральное значение» [Зеньковский, 2001: 311]. Идею социализма Зеньковский рассматривает как эквивалент религиозного мировоззрения. По Зеньковскому, «религиозные запросы» могут быть и без религии как таковой, в частности, без христианства или института церкви. А секуляризм в русской философии связывается им или с богоборчеством, или с богоискательством. Даже атеистическое мировоззрение нигилистов, по Зеньковскому, переходит в своеобразное «фанатическое сектантство».

Зеньковский дает Чернышевскому различные, иногда прямо противоречивые характеристики. Так, когда Чернышевский «защищает материализм», он встает на позиции вульгарного материализма. В то же время Чернышевский оказывается позитивистом: «...его позитивизм – беря его в существо – стоит вне сомнения» [Зеньковский, 2001: 317].

Даже при сознательном развитии материалистических взглядов, считает Зеньковский, Чернышевский не смог избавиться от «предмета религиозного поклонения». Любопытно, что Зеньковский видит эту «религиозность» в любых идеалах, мечтах и целях – во всем, что не повседневно и не имеет наглядного материального выражения. По Зеньковскому, «религиозность» Чернышевского со времен обучения в семинарии не исчезла, а только сменила «объект свой».

Показательно, как Зеньковский, разделяя точку зрения Шпета, оценивает статью «Антропологический принцип в философии»: «Шпет справедливо называет эту статью “хаотической” (“в этой хаотической статье – презрительно говорит Шпет – можно найти все, что угодно, кроме философии”» [Зеньковский, 2001: 318]. Действительно, при поверхностном чтении в этой статье трудно обнаружить философию: неискушенному читателю может показаться, что текст Чернышевского посвящен естествознанию. К большому сожалению, Шпету и Зеньковскому тоже так показалось. Не случайно Зеньковский из прочтения «Антропологического принципа» делает вывод, что Чернышевский в этой работе стоит на позиции «материалистического биологизма» [Зеньковский, 2001: 320].

Так же буквально Зеньковский воспринял и статью В. С. Соловьева «Первый шаг к положительной эстетике», в которой автор приписывает Чернышевскому скромную заслугу, которая на деле сводится лишь к тому, что Чернышевский сказал наиболее общие положения, т.е. банальность.

Чернышевский в предисловии к третьему изданию диссертации написал, что его эстетика вдохновлена Фейербахом. И Зеньковский пишет, что так как у Фейербаха «нет почти ничего, относящегося к вопросам эстетики», то «Чернышевский недостаточно ясно сознавал принципиальную ценность его эстетических воззрений» [Зеньковский, 2001: 323]. Читая философский текст буквально, Зеньковский, вероятно, не заметил, что Чернышевский был последователем Фейербаха в первую очередь в области онтологии и теории познания, на фундаменте которых возвел свою эстетику. Об этом и шла речь в предисловии к диссертации.

По какой-то причине не проводя серьезных различий между материализмом и позитивизмом, Зеньковский пишет, что Чернышевский «стал основоположником русского позитивизма и материализма, послужив им, как мог, пожертвовав им своим философским дарованием, но внутренняя дисгармония в творчестве Чернышевского достаточно ярко говорит, что ему самому было тесно и неудобно в узких рамках

позитивизма и материализма» [Зеньковский, 2001: 327]. Другими словами, Чернышевский – с точки зрения Зеньковского – имел потенциал стать выдающимся философом-идеалистом, но попав под влияние *неидеалистов*, сам загнал себя в рамки, тем самым помешав себе раскрыться на философском поприще.

В работе «История русской философии» (1951) Н. О. Лосский говорит о Чернышевском кратко. Лосский обращает внимание на противоречие между «эгоизмом» и борьбой за высокие ценности – объясняет он это скромностью Чернышевского, «которая не позволяла... прибегать к таким высокопарным словам, как “совесть”, “честь”, “идеал” и т.д.» [Лосский, 2018: 87]. Следует отметить, что Лосский более сдержан в своих выводах, чем Зеньковский. Например, Лосский не высказывает идею о скрытной «религиозности» Чернышевского. Однако, кажется, намекает на это, говоря о склонности русских философов вообще и Чернышевского в частности к этической проблематике.

В работе В. К. Кантора «“Срубленное древо жизни”. Судьба Николая Чернышевского» (2016) Чернышевский представлен латентным религиозным мыслителем, который под видом позитивизма пытался развивать и актуализировать христианское учение. Кантор пишет биографическую работу с претензией на философское значение, так как затруднительно выстроить аргументацию в формате историко-философского текста. Религиозный образ Чернышевского складывается под пером Кантора благодаря риторическим приемам, подбору «удобных» фактов, искажению цитат и созданию контекста, в котором точка зрения автора смотрится органично. В итоге получается мифологизированный Чернышевский, который мало похож на исторического Чернышевского. Примечательно, что Кантор претендует на развенчание «советского» мифа о Чернышевском, но вместо этого лишь замещает один «миф» другим [См.: Черных, 2022; Черных, 2022].

Кантор пытается подкрепить свою позицию ссылками на авторитет Шпета и его работу «Источники диссертации Чернышевского» (1929). Шпет предложил альтернативную точку зрения, согласно которой эстетика Чернышевского не связана с материализмом Фейербаха. Тот факт, что Чернышевский в предисловии к третьему изданию своей диссертации («Эстетические отношения искусства к действительности») прямо пишет о связи своей эстетической теории с взглядами Фейербаха, Шпет объясняет «старческой памятью», которая подвела Чернышевского. Более того, согласно Шпету, Чернышевский не понял Фейербаха, а потому не мог построить эстетическое учение на основе его философии.

Итак, советская (марксистская) традиция изучения философии Чернышевского имеет перспективы развития. Работы Плеханова, Евграфова, Никоненко и др. представляют ценность для исследователей русской философии и сегодня. В религиозной же традиции авторы склонны либо обесценивать те или иные философские системы, либо

искажать их, придавая материалистическим и позитивистским взглядам религиозное значение.

В качестве одного из современных перспективных направлений изучения русской философии – включая как русский материализм, так и материализм Чернышевского – можно назвать возрастную принцип анализа истории [Маслобоева, 2015]. Согласно этому принципу, история философии развивается так же, как поколения людей сменяют друг друга. При помощи этой методологии можно раскрыть *«внутреннюю логику эволюции предметного поля философии»* [Маслобоева, 2015: 172], т.е. определить доминирующие идею и принцип каждой эпохи в их закономерном и внутренне присущем развитии. Определение места и роли Чернышевского в истории философии, исходя из методологии возрастного принципа, может оказаться перспективным как в изучении его философии, так и в изучении философии других материалистов.

Список источников

Волк С. С., Никоненко В. С. Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский // Н. Г. Чернышевский и современность. М.: Наука, 1980. С. 242–247.

Волк С. С., Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. 152 с.

Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI–XIX веков. Л.: Наука, 1970. 652 с.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика // Ильенков Э. В. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Канон+, 2020. С. 222–449.

История философии в СССР. В 5 т. Т. 3. / под ред. Еврафова В. Е. М.: Наука, 1968. 672 с.

Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.

Лосский Н. О. История русской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 608 с.

Маслобоева О. Д. Методологический потенциал возрастного принципа анализа истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. №1. С. 169–178.

Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2020. Вып. 22. 184 с.

Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. 151 с.

Никоненко В. С. Николай Александрович Добролюбов. М.: Мысль, 1985. 191 с.

Никоненко В. С. Труды по русской философии и литературе. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 534 с.

Плеханов Г. В. Работы о Н. Г. Чернышевском // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 4. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 47–414.

Розенталь М. М. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. М.: Госполитиздат, 1948. 312 с.

Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М.: Наука, 1975. 320 с.

Черных А. А. Виталий Сергеевич Никоненко. К 80-летию со дня рождения // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. №1. С. 148–162.

Черных А. А. Н. Г. Чернышевский и Л. Фейербах: антропологический материализм или религиозная философия? // Вече: Ежегодник русской философии и культуры – 2022. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 68–85.

Черных А. А. Философия Н. Г. Чернышевского в современных отечественных историко-философских исследованиях // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. № 2. С. 89–112.

Шпет Г. Г. Источники диссертации Чернышевского // Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 362–416.

References

Chernykh, A. A. (2022) Filosofiya N. G. Chernyshevskogo v sovremennykh otechestvennykh istoriko-filosofskikh issledovaniyakh [N.G. Chernyshevsky's Philosophy in Modern Russian Historical and Philosophical Studies]. Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii. [Philosophical polylogue: Journal

of the International Centre for the Study of Russian Philosophy]? 2: 89–112. (In Russ.)

Chernykh, A. A. (2022) N. G. Chernyshevskiy i L. Feyyerbakh: antropologicheskiy materializm ili religioznaya filosofiya? [N. G. Chernyshevsky and L. Feuerbach: Anthropological materialism or religious philosophy?].

Veche: Yezhegodnik russkoy filosofii i kul'tury [Veche: Yearbook of Russian Philosophy and Culture]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo: 68–85. (In Russ.)

Chernykh, A. A. (2022) Vitaliy Sergeyevich Nikonenko. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya [Vitaly Sergeevich Nikonenko. On the 80th anniversary of his birth]. *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical polylogue: Journal of the International Centre for the Study of Russian Philosophy]. №1: 148–162. (In Russ.)

Galaktionov, A. A., Nikandrov, P. F. (1970) *Russkaya filosofiya XI–XIX vekov* [Russian philosophy from the eleventh to the nineteenth centuries]. Leningrad: Nauka: 652. (In Russ.)

Il'yenkov, E. V. (2020) *Dialekticheskaya logika* [Dialectical logic]. Il'yenkov, E. V. *Sobraniye sochineniy* [Ilyenkov, E. V. Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Kanon+: 222–449. (In Russ.)

Istoriya filosofii v SSSR [History of philosophy in the USSR]. (1968) In 5 vol., vol. 3. / ed. by Yevgrafova, V. E. Moscow: Nauka: 672. (In Russ.)

Kantor, V. K. (2016) «Srublennoye drevo zhizni». *Sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo* ["The felled tree of life". The fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ: 528. (In Russ.)

Losskiy, N. O. (2018) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. St Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus: 608. (In Russ.)

Masloboeva, O. D. (2015) *Metodologicheskiy potentsial voznrastnogo printsipa analiza istorii* [The age principle of historical analysis and its methodological potential]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik (Herald) of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflictology]. №1: 169–178. (In Russ.)

N. G. Chernyshevsky. Stat'i, issledovaniya i materialy: sbornik nauchnykh trudov [N.G. Chernyshevsky. Articles, Studies and Materials: A Collection of Scientific Works]. (2020) Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. №22: 184. (In Russ.)

Nikonenko, V. S. (1983) *Materializm N. G. Chernyshevskogo, N. A. Dobrolyubova, D. I. Pisareva* [The

materialism of N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov, D.I. Pisarev]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta: 151. (In Russ.)

Nikonenko, V. S. (1985) *Nikolay Aleksandrovich Dobrolyubov* [Nikolai Alexandrovich Dobrolyubov]. Moscow: Mysl': 191. (In Russ.)

Nikonenko, V. S. (2014) *Trudy po russkoy filosofii i literature* [Works on Russian philosophy and literature]. St Petersburg: Izd-vo RKHGA: 534. (In Russ.)

Plekhanov, G. V. (1958) *Raboty o N.G. Chernyshevskom* [Works on N. G. Chernyshevsky]. Plekhanov G. V. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya*. [Plekhanov, G. V. Selected Philosophical Works]. In 5 vol., vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury: 47–414. (In Russ.)

Rozental', M. M. (1948) *Filosofskie vzglyady N. G. Chernyshevskogo* [The philosophical views of N. G. Chernyshevsky]. Moscow: Gospolitizdat: 312. (In Russ.)

Shpet, G. G. (2009) *Istochniki dissertatsii Chernyshevskogo* [Sources of Chernyshevsky's thesis]. Shpet G. G. *Ocherk razvitiya russkoy filosofii* [Shpet, G. G. An Essay on the Development of Russian Philosophy]. II. Materials. Reconstruction by T. G. Shchedrinoy. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya: 362–416. (In Russ.)

Utkina, N. F. (1975) *Pozitivizm, antropologicheskiy materializm i nauka v Rossii* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia]. Moscow: Nauka: 320. (In Russ.)

Volk, S. S., Nikonenko V. S. (1979) *Materializm N.G. Chernyshevskogo* [The materialism of N.G. Chernyshevsky]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta: 152. (In Russ.)

Volk, S. S., Nikonenko, V. S. (1980) *G. V. Plekhanov i N. G. Chernyshevskiy* [G.V. Plekhanov and N. G. Chernyshevsky]. N.G. Chernyshevskiy i sovremennost' [N. G. Chernyshevsky and modernity]. Moscow: Nauka: 242–247. (In Russ.)

Zen'kovskiy, V. V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proyekt, Raritet: 880. (In Russ.)

© Черных А.А., 2023

Черных Андрей Александрович – аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Контактные данные: 197348, Россия, Санкт-Петербург, Богатырский проспект 7/3 (Russia, St. Petersburg, Bogatytsky prospect 7/3). E-mail: st086103@student.spbu.ru, deusdrus@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2023.